

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.332 (=512.151)

DOI 10.17223/18137083/91/1

Жанровые особенности колыбельных песен алтайцев

Надежда Романовна Ойноткинова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Статья посвящена жанровым особенностям алтайских колыбельных песен. В работе применялись лингвостилистический метод и метод функционального анализа специфики фольклорных жанров. Песни строятся как поэтические тексты в форме синтаксического параллелизма. Основными функциями колыбельных песен являются функции усыпления, воспитания, защитная функция, а также эстетическая и коммуникативная функции. Для алтайских песен характерно использование особой лексики и специфичных грамматических конструкций: вокативов в уменьшительно-ласкательной форме, звуко-символических слов *баю-бай* с различными вариантами, глаголов-сказуемых в побудительном наклонении и форме широкого настоящего-будущего времени. Тематическое содержание колыбельных песен связано с выражением ценностных понятий, выражающихся с помощью эмотивно-оценочной лексики.

Ключевые слова

фольклор алтайцев, колыбельные песни, семантика, функции колыбельных песен, жанр, поэтика, семейные ценности алтайцев

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Жанровые особенности колыбельных песен алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 9–22. DOI 10.17223/18137083/91/1

Genre features of Altai lullabies

Nadezhda R. Oynotkinova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

This paper identifies the semantic and pragmatic features of Altai lullabies. Through linguostylistic and functional lenses, this work investigates folklore genres, connecting their linguistic features and content to their communicative roles and explaining these features

© Ойноткинова Н. Р., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 9–22
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 9–22

based on their intended function. Analysis of the linguistic style and function of Altai lullabies has revealed the following genre characteristics. The structure of lullabies employs poetic text in the form of syntactic parallelism, characterized by isosyllabism, equisyllabicity, and initial rhyme. Lullabies primarily serve educational and protective purposes, complemented by aesthetic and communicative functions. The stylistic features of Altai lullabies are distinguished by unique vocabulary and grammatical structures that convey specific meanings. Altai lullabies are characterized by the use of vocatives and affectionately diminutive nouns, along with sound-symbolic words like “bayu-bai” and its variants. The verb predicates appear in the imperative mood and an extended present-future tense. Value concepts, including the contrasting binaries of good and evil, and work and laziness, are conveyed in lullabies via emotive and evaluative language, which is expressed through various figures of speech: parallelisms, symbols, epithets, and metaphors. In crafting lullabies, singers may employ characteristic imagery and motifs from folklore, including fairy tales, myths, and songs, to express particular ideas.

Keywords

folklore of the Altai people, lullabies, semantics, functions of lullabies, genre, poetics, family values of the Altai people

For citation

Oynotkinova N. R. Genre features of Altai lullabies. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/1

Введение

Колыбельные песни как предмет научного изучения продолжают интересовать исследователей своей многогранностью, богатством языкового и этнографического материала, репрезентацией народной мудрости и музыки. Цель данной статьи – выявить жанровые прагматические и лингвостилистические особенности алтайских колыбельных песен.

Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные, архивные и полевые тексты колыбельных песен алтайцев, записанные во второй половине XX и начале XXI в. разными собирателями и исследователями и подготовленные нами к публикации в томе «Обрядовый фольклор алтайцев» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». К анализу представлены колыбельные песни, записанные у представителей алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, чалканцев, тубаларов и телеутов. В песнях сохранены их диалектные, фонетические и лексические особенности. В работе применяются лингвостилистический и функциональный подходы к изучению фольклорных жанров, что позволяет рассматривать языковую форму песен и их содержание в тесной связи с выполняемыми ими функциями.

История изучения. Фиксация колыбельных песен у разных этнодиалектных групп алтайцев велась этномузыкологами и фольклористами: Н. М. Кондратьевой, Г. Б. Сыченко, Ю. И. Шейкиным, К. Е. Укачиной, М. А. Демчиновой и др. Упоминания о разновидностях колыбели у разных этнических групп алтайцев встречаются в работах Е. М. Тощакковой [1978], В. П. Дьяконовой [1988], М. П. Чочкиной [2003] и др. Колыбель у алтайцев символизирует продолжение рода и семейное благополучие. В семьях, где дети не умирали в младенческом возрасте, колыбель называли *ырысту кабай* ‘счастливая колыбель’, в противном случае – *жок кабай* ‘бедная колыбель’. Когда люлька изнашивалась, раскалывалась, ее сжигали, но никогда не выбрасывали [Дьяконова, 1988, с. 176].

Жанр колыбельных песен у алтайцев достаточно хорошо изучен в музыкальном аспекте. Колыбельные и связанные с ними этнические термины были выделены музыковедами Н. М. Кондратьевой и Г. Б. Сыченко. Алтайцы, проживающие в южной части Горного Алтая (алтай-кижи, теленгиты), называют колыбельные песни *кабай кожон* ‘колыбельная песня’, ‘песня колыбели’, а алтайцы, проживающие в ее северной части (кумандинцы, чалканцы, тубалары, а также телеуты Кемеровской области), – *пежик сарын* ‘колыбельная песня’, ‘песня колыбели’ [Кондратьева, 1989; Кондратьева, Сыченко 1997, с. 239]. В алтайском и телеутском языках слово *межик / пежик* имеет также значение ‘гроб’ [АРС, 2018, с. 464; ТРС, 1995, с. 55].

Музыкально-интонационные особенности песен северных этносов (чалканцев, кумандинцев, тубаларов) отличаются от музыкально-интонационных особенностей песен южных (алтай-кижи, теленгитов). Н. М. Кондратьева пришла к выводу, что «колыбельные алтайцев не являются жанром с однотипной структурой» [Кондратьева, 1989, с. 47]. Изучив жанровые музыкально-интонационные особенности колыбельных песен теленгитов, она подразделила эти произведения на 4 типа. Первый тип связан с песенной традицией *кожон* ‘песня’ и в большинстве случаев обозначается термином *кабай кожон* ‘колыбельная песня’, ‘песня колыбели’, соответствующим рассмотренному выше обрядовому песенному жанру [Кондратьева, Сыченко, 1997, с. 239]. Колыбельные второго типа имеют черты «обрядово-магической традиции поющих скотоводческих заговоров, и их можно рассматривать как разновидность заговора, направленного на “охранение” и успокоение ребенка» [Там же]. В колыбельных теленгитов второго типа используются звуко-символические слова, среди них встречаются отдельные знаменательные слова и словосочетания [Там же]. Колыбельные третьего типа исполнялись *каем* (горловым пением. – Н. О.) в сопровождении *топиуура* – двухструнной щипковой лютни [Там же, с. 240]. И, наконец, «к четвертому типу относятся колыбельные, исполняющиеся на ассимилированные напевы, которые входят в периферийную часть культуры, адаптирующую чужеродные влияния» [Там же]. Последние «исполняются на частушечные напевы, перенятые у русских, и воспроизводят основные закономерности теленгитского лирического жанра *частушка*, возникшего под влиянием русской культуры» [Там же]. Таким образом, колыбельные обнаруживают связи с разными жанровыми традициями: песенно-поэтической, сказками, похоронным плачем, частушкой и другими ассимилятами [Там же, с. 247]. «Колыбельные, поющиеся ребёнку, с одной стороны, оказывают успокаивающее воздействие на его нервную систему, а с другой – вводят его в интонационный мир этнической культуры» [Там же, с. 237].

Интонационная структура поющего текста взаимодействует со структурой языка, на котором он исполняется. Языковая личность, исполняющая музыкальный текст, для выражения мысли использует определенные фольклорные образы (сказочные, мифологические) и песенные мотивы. В филологическом аспекте текст колыбельной песни как культурный знак имеет свои жанровые особенности и в плане выражения, и в плане содержания.

1. Композиционные особенности колыбельных песен алтайцев

Психологический параллелизм в колыбельных песнях алтайцев является основным средством создания поэтического текста. По А. Н. Веселовскому, парал-

лелизм является «видоизменяющейся композиционной формой», служащей основой возникновения ряда других изобразительно-выразительных средств (метафор, символов) [Веселовский, 1989, с. 138]. Психологический параллелизм ученый рассматривал как источник создания сравнений, символов и метафор. Параллелизм является не только особым художественным приемом, раскрывающим и углубляющим через сопоставление образов выражаемую в песне мысль, он считается также одним из основных средств ритмической организации стиха, т. е. одним из конструктивных элементов поэтической системы алтайцев [Каташев, 1979, с. 119].

Другими важнейшими ритмоорганизующими элементами алтайской народной песни являются равносложность (изосиллабизм) и начальная рифма. В основе данной системы лежит семисложный стих с четырехсложной доцезурной и трехсложной послецезурной частями – 4 + 3, хотя встречаются и отклонения от семисложника. Наиболее частое отклонение – восьмисложник структуры 5 + 3 [Каташев, 1971, с. 78].

Н. М. Кондратьева, отмечая строфическую организацию *кабай кожон*, также указывает, что «в основе музыкальной ритмики лежит семисложник (4 + 3) с кадансовой структурой во втором сегменте» [Кондратьева, 1989, с. 188]. Семисложный параллелизм в алтайском стихосложении – частое явление. Приведем в качестве примера распространенную среди южных алтайцев песню о колыбели (*кол кабай* букв.: ‘ручная колыбель’), которая существует во множестве своих вариантов, сохраняющихся благодаря устойчивому образному параллелизму и ключевым словам. В образно-синтаксическом параллелизме дитя в колыбели сравнивается с детенышем косули, спящим возле камня или скалы:

(1) алт.: *Ан паласын телчиткен / Алты кыпту таш кабай. / Албатыды жыргаткан / Ада-энедин кол кабай. / Элик паласын телчиткен / Эки кыпту таш кабай. / Элди-жонды жыргаткан / Эне-ададын кол кабай*¹. ‘Детеныша оленя взрастившая / Шестислойная каменная колыбель. / Народу позволившая праздновать / Отца-матери ручная колыбель. / Детеныша косули взрастившая / Двухслойная каменная колыбель. / Народу-люду позволившая праздновать / Отца-матери ручная колыбель’.

В тексте сохранены особенности теленгитского диалекта, в частности глухой согласный в интервокальной позиции (теленг. *паласын* ‘[его] детеныша’, ср. алт. *балазын* ‘[его] детеныша’), а также аффикс притяжательного падежа =*ДЫН* после гласных (теленг. *эне=дин* ‘матери его’, ср. алт. *эне=нин*).

Существенными для понимания музыкальной стороны песен представляются закономерности, выявленные С. М. Каташевым, касающиеся общей тенденции к равносложности и различным приемам выравнивания отклоняющихся от семисложной нормы строк. Так, в строках с большим числом слогов используются редуцирование (выпадение) и элизия (стяжение) гласных, употребление долгого гласного как краткого, опущение причастных и деепричастных аффиксов. В строках с меньшим числом слогов встречаются наращение аффиксов к основе, двухсложная интерпретация слогов с долгими гласными, употребление парных слов,

---

¹ Песня о колыбели [Кабай керегинде кожон]. Зап. Ю. И. Шейкиным, Н. М. Кондратьевой, Г. Б. Сыченко 30.01.1985 в с. Кучерла Усть-Коксинского района от Чамчиевой Камылай 1914 г. р., урож. с. Кучерла из рода майман. АТМ НГК, колл. А0018, ед. хр. 12.026А-131-132. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноткиной.

заполнение строки асемантическими слогами и словами [Каташев, 1971, с. 119–128]. Ритмическая структура стиха гармонично поддерживается ритмом движения раскачивающейся колыбели.

2. Лексико-грамматические особенности колыбельных песен алтайцев

Для стилистики колыбельных песен алтайцев характерно использование особых лексики и грамматических конструкций, с помощью которых выражаются определенные смыслы. Характерные для колыбельных песен звуко-символические слова *баю-бай*, варьирующие в разных текстах – *буй / буй, обой / бой / обон*, повторяющиеся и ритмически организующие структуру песни, исследователи связывают с их усыпляющей и успокаивающей функциями.

(2) теленг.: *Обай-обай, обай-обай, / Укта, балам, укта, балам, / Бай-бай-бай. / Уксан-уксан, эче балам. / Буй-уй, обай, бай-бай-бай, / Уй-уй, обан-обан-обан. / Укта, балам, обон-обон, / Обон-обон, уктай персен, / Обон-обон, койго барарым. / Обон-обон, кой жуурым. / Обон-обон, сарлык саарым. / Обон-обон, сарлыкка барарым...*² *Ебай-ебай, ебай-ебай, / Спи, дитя мое, спи, дитя мое. / Бай-бай-бай. / Слушай-слушай, малое дитя мое. / Буй-уй, ебай, бай-бай-бай, / Уй-уй, ебанг-ебанг-ебанг. / Спи, дитя мое, ебонг-ебонг. / Ебонг-ебонг, засыпай, / Ебонг-ебонг, за овцами пойду. / Ебонг-ебонг, овец соберу. / Ебонг-ебонг, яка подою. / Ебонг-ебонг, за яками пойду...*

Предполагаемые действия выражены в будущем времени на =*Ар*. Звуко-символизмы в данном тексте *обай-обай / обон-обон* возникли как варианты от *бай-бай*. Поскольку эти междометия отражают фонологическую специфику алтайских текстов, то в переводах они оставлены в том виде, в каком прозвучали. Звуко-символические слова в колыбельных песнях схожи со звуко-символическими словами в скотоводческих заговорах алтайцев и теленгитов по фонологии и повторяемости одних и тех же звуков.

Вокативные предложения выступают обязательным элементом синтаксиса колыбельных песен, в которых нарицательное имя существительное оформляется показателем принадлежности 1 л. ед. ч. (*бала*=*м* ‘мое дитя, мой ребенок’), а глагол – показателем повелительного наклонения (*укта*= / *уйукта*= ‘спи / засыпай’, *ыйла*=*ба* ‘не плачь’ и т. п.). Адресат, а также другие актанты-имена часто содержат аффикс с уменьшительно-ласкательным значением: алт. *балачагым*, кум. *балакам* ‘дитяtko, дитя мое’, *палаццам* ‘дитя мое’, чалк., кум. *улаццым* ‘сынoчек мой’, *уйаццам* ‘сынoчек мой’.

(3) кум.: *Пай ползен, палаццам, / Пайу ползен, улаццым, / Көзыщегын уназан, / Көзыщегын уназан. / Пайу ползен, палаццам, / Уйуктазан, палаццам, / Мөрецек келтьыт тьу / Мөрецек апарар. / Пайу ползен, уйаццам, /*

---

² Колыбельная песня [Кабай кожон]. Зап. Н. М. Кондратьевой (аналоговая звукозапись), К. Е. Укачиной 25.06.1985 в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского района Г-ААО от Челбаевой Дьашбалы Бостоевны, теленгитки, из рода Кыпчак, род. в феврале 1910 г. в с. Мухор-Тархата, работала в колхозе. АТМ НГК, А0025.1-12.51-269. Расшифр. текста и пер. Н. Р. Ойноктиновой.

*Уйуктазан, палацан*³. 'Бай делай, мое дитя, / Бай делай, мой сыночек. / Закрывай свои глазки, / Закрывай свои глазки. / Бай делай, мое дитя, / Спи, мое дитя. / Волчонок идет же, / Волчонок утащит. / Бай делай, сыночек мой, / Спи, мое дитя'.

(4) чалк.: *Байу-байу, уйацан, / Байу-байу, уйацан, / Кара кӧстӱ уйацан, / Байу-байу, уйацан, / Байу-байу, уйацан, / Уйацан, уйтазан. / Эртеледе турала, / Атка мӱнӱп парарзын*⁴. 'Баю-баю, мой сыночек, / Баю-баю, мой сыночек, / Черноглазый мой сыночек, / Баю-баю, мой сыночек, / Баю-баю, мой сыночек, / Спи мой сыночек. / Встав с самого утра, / Сев на коня, поедешь (ты)'.

Образный параллелизм или метафора позволяют выразить мысль при помощи ассоциативно-оценочных образов. Чаще всего ребенок, лежащий в колыбели, метафорически отождествляется с детенышами животных и птиц (*кучыйак* 'птичка', *элик балазы* 'детеныш козули', *пачыртканын палазы* 'птенец дрозда', *Башпарактын жеенизи* 'племянник Башпарака'), а также с побегами и корнями растений, деревьев. В первой части песни дитя называют «корнем-наростом» родовитых родителей и отождествляют с корнем березы, которая у алтайцев считается священным деревом:

(5) алт.: *Баай-баай, балам, / Урлу кайын тазылы эдин, / Укту-тӧстӱнин тазылы эдин. / Бала кайын тазылы эдин, / Барлу уктунын тазылы эдин...* 'Баай-баай, мое дитя, / Ты корень березы с наростом. / Ты корень благородного рода. / Ты корень молодой березы, / Ты благородного рода корень...' [ОТКА, 2019, с. 429].

Вегетативная метафора *тазыл* 'корень' в данном контексте связана с выражением идеи роста. Форма настояще-будущего времени на =*Ар* в сказуемых передает семантику широкого настоящего. В следующем песенном параллелизме взросление ребенка в колыбели сравнивается с птичкой, вылупившейся из яйца:

(6) алт.: *Тӱнде чыккан жымыртка / Тӱлӱрер учар куш болор. / Тӱӱнчекте жаш бала / Тӱбинде барып эр болор. / Карангуйда чыккан жымыртка / Калырап учар куш болор. / Кабайдагы жаш бала / Качан тӱпте эр болор...* 'Ночью снесённое яйцо / С шуршащим полётом птицей станет. / В свертке лежащий ребёнок / Когда-нибудь мужчиной станет. / В темноте снесённое яйцо / С громяющим полётом птицей станет. / В колыбели лежащий ребёнок / Когда-нибудь мужчиной станет' [Там же, с. 430] (пер. уточн. – Н. О.).

Чалканские *нежик сарын* 'колыбельные песни' крайне немногочисленны и не образуют устойчивой группы в рамках песенной традиции. Они «исполняют-

---

³ Ребѣнка укачивают [Бала байлапчит]. Зап. Ф. А. Сатлаевым и Г. Б. Сыченко 02.03.1992 в г. Бийске. Исп. Пышылакова Елена Трофимовна, кумандинка, сеок Карга. Род. 25.10.1910 в с. Калар Таштагольского района. АТМ НГК, колл. 75, № 20. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноткиновой.

⁴ Ребенка усыпляю / убаюкиваю [Пала уйта жат / пайлап жат]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 18.09.1989 в с. Турачак Турочакского района Г-ААО от Акпашевой (дев. Пустогачева) Ульяны Аныевны, чалканки из рода Кызыл-Кӧс, род. 02 августа 1928 г., учитель. АТМ НГК, А0072-12.144-025. Расшифр. текста и пер. Н. Н. Феединой.

ся на мелодию детской песни “Койонок” (“Зайчик”) либо на напевы колыбельных укачиваний» [Сыченко, 2016, с. 33]. Укачивания строятся на звуко-символических словах, повторяющихся в семисложной структуре песенного стиха. В песенной традиции алтайцев такие тексты являются частым явлением.

В чалканских колыбельных песнях часто используются сказочные образы животных – зайчика и лисы. Образ ребенка сравнивается с образом детенышей животных, за которыми кроются определенные психологические символы:

(7) чалк.: *Пайу-пайу, мен палам, / Пайу этсен мен палам, / Ман, ман, ман койонок. / От аралда ором пар, / Пайу-пайу, мен палам, / Конман ма конман койонок, / Тьар пажында тьадыным*⁵. ‘Пайу-пайу, мой ребенок, / Делай пайу, мое дитя, / Скок-скок-скок зайчонок. / В травянистом лесу у меня нора есть. / Пайу-пайу, мое дитя. / Не ночевал ли, не ночевал зайчонок, / На берегу (реки) у меня лежанка есть’.

Образ бегущей лисы может олицетворять процесс погружения ребенка в сон или солнце, зашедшее за горизонт, а ржущий конь – уставшее за день животное или вернувшихся с работы людей:

(8) чалк.: *Бай-бай-бай-бай-бай / Түнде, түнде түлгүцек / Түнде кана парсын? / Сангыр өдем тапинқам, / Аны тыңдып партым. / Бай-лю-лю-лю-лю. / Атар кана киштептьыт / Кара колза киштеп тыт / Атар тьу санеп киштептьыт / Су ла керек киштеп тыт, / Бай-бай, уйтазын палам*⁶. ‘Бай-бай-бай-бай-бай / Ночью, ночью, лисенок, / Ночью куда идешь? / Одну обувь потерял [я], / Ее иду искать, / Бай-лю-лю-лю-лю. / Лошади куда ржут? / В сторону темной долины ржут. / Лошади что хотят и ржут? / Только воды надо, ржут, / Бай-бай, спи мой ребенок’.

В колыбельных песнях алтайцев, тубаларов и кумандинцев встречается образ мальчика ростом с большой палец – *Башпарака*. Это образ плута, озорника, перехитрившего семиголовое чудовище *Дьелбегена*. В АРС *башпарака*: 1) название большого пальца (*используется в считалке при обозначении названий пальцев*); ср. эргек; 2) *фольк*. Башпарака (*сказочный персонаж*) [АРС, 2018, с. 107]. Герой сказки *Башпарака* – пахарь, своей хитростью побеждающий чудовище *Дьелбегена*, которое его собиралось съесть. *Башпарака* сначала избавляется от семерых детей чудовища, а потом и от их матери [АНС, 2001, с. 162–171]. Образное выражение *Башпарақтың / Желбегеннің балазы* ‘дитя Башпарака / Дьелбегена’ содержит в себе негативную оценку поведения ребенка:

---

⁵ Зайчонок [Койонок]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 18.09.1989 в с. Турачак Турочакского района Г-ААО от Тропеевой Ульяны Арсентьевны, чалканки из рода Кузен, 07.07.1920 г. р., в с. Культабы, работала в колхозе. АТМ НГК, А0072-12.144-035. Расшифр. текста и пер. Н. Н. Феединой.

⁶ Зайчонок [Койонок]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 25.09.1989 в с. Тулой Турочакского района Г-ААО от Тагызовой Анастасии Макаровны, чалканки из рода Кара Тубень, 01.10.1930 г. р. в Курмач-Байголе, работала учителем. АТМ НГК, А0072-12.145-189. Расшифр. текста и пер. Н. Н. Феединой.

(9) туб.: *Бай-бай, Башпарактын балазы, / Бай-бай, баламай. / Уктазан, бай-бай-бай. / Желбегенниң балазы / Жети баишту балазы, / Бай-бай-бай*⁷.
'Бай-бай, Дьелбегена дитя, / Бай-бай, дитя мое. / Спи, бай-бай-бай. / Дьелбегена дитя, / С семью головами его дитя. / Бай-бай-бай-бай'.

В следующей песне в выражении *алтын палам* 'золотой мой ребенок' присутствует положительная оценка, выражающая похвалу ребенку:

(10) туб.: *Бай-бай-баю, палам. / Пачыртканың палазы, / Башпарактын жеенизи, / Бай-бай, кеен алтын палам. / Палам ооложим, ооложим. / Ынин сайын улабай, / Күндүлү сөзинг айдып персанг, / Ой, палам, ой, / Бай-бай-бай*⁸. 'Бай-бай-баю, дитя мое. / Птенец дрозда, / Племянник Башпарака, / Бай-бай, драгоценный золотой мой ребенок. / Дитя мое, мой сыночек, мой сыночек. / Сильно не плачь ты, / О желании своем скажи, / Ой, дитя мое, ой, / Бай-бай-бай'.

В некоторых колыбельных песнях, записанных в 80-е гг. XX в., отражены веяния эпохи социализма. В них отражена идеологическая лексика – *пионер, совет, комсомол, социализм*, несущая в себе ценностно-оценочный компонент.

(11) чалк.: *Кабайда чыккан јаш пала / Качан киши полорсын? / Кабайда чыккан оол пала / Качанда пионер полорсын?*⁹ 'В колыбели новорожденное дитя, / Когда человеком ты станешь? / В колыбели новорожденный мальчик, / Когда пионером ты станешь?'

Встречаются русизмы, например *крепко* 'крепко': *Пецикте, палам, бай, / Бай-бай-бай. / Крепко уйта, тың уйта, капцей уйта...*¹⁰ 'В колыбели, мое дитя, бай, / Бай-бай-бай. / Крепко спи, крепко спи, быстро спи'.

---

⁷ Песня колыбели [Кавай кожон]. Зап. Н. М. Кондратьевой и М. А. Толбиной 31.03.1989 в с. Паспаул Чойского района Г-ААО от Темдековой Елизаветы Андреевны, туба, родилась 11 июля 1929 г. в с. Верх-Иша, работала в колхозе. АТМ НГК, А0071-12.144-015. Пер. текста Н. Р. Ойноткиновой.

⁸ Ребенка убаюкивают [Пала пайлап јат]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Пустогачевым, К. Е. Укачиной 22.09.1989 в с. Тулой Турочакского района Г-ААО от Сарапкановой Таисии Кыянаковны, туба, сеок Комнош, род. 12 июля 1914 г. в Кара-суу, образования не имела, работала в колхозе, мать троих детей. АТМ НГК, А0072-12.145-142. Расшифр. и пер. текста Н. Р. Ойноткиновой.

⁹ Спи-спи, ребеночек мой [Уйта-уйта, палацагым]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 20.09.1989 в пос. Суранаш Турочакского района Г-ААО от Курускановой (дев. Санжанакова) Марии Каныковны, чалканки из рода Телвеш, род. 10 июня 1929 г. в с. Чугана, работала в колхозе. АТМ НГК, А0072-12.145-091. Расшифр. текста и пер. Н. Р. Ойноткиновой и Н. Н. Феединой.

¹⁰ Пала уйта јат [Ребенка усыпляют]. Колыбельная. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 21.09.1989 в с. Бийка Турочакского района Г-ААО от Курусканова Михаила Яковлевича, чалканца из рода Дьарты, род. 01 июля 1931 г., работал в колхозе, АТМ НГК, А0072-12.145-126. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноткиновой и Н. Н. Феединой.

ребёночек мой, / Засыпай, ребёночек мой. / Гребнеголовая *Май-эне*, / Не вспугни моего ребёнка. / *Бай-бай*, ребёночек мой, / Засыпай, ребёночек мой. / Матери твоей, дитя, дома нет, / Тебя укладывать некому. / *Бай*, ребёнок мой, *бай-бай*, / Спи, ребёнок мой, *бай-бай*. / Бутылочка с молоком придет. / Ребёнок мой, *бай-бай*'.

В прошлом алтайцы верили в охранительную функцию богини *Умай-эне* (*Май-эне* / *Маї-әнә*, букв.: Умай-мать), покровительницы новорожденных, устраивали ей специальные обряды. Горно-алтайские телеуты и алтайцы правобережья Катуня, когда ребёнку исполнялось шесть месяцев, приглашали шамана для специального камлания *Умай-эне* с закланием молодого бычка. Во время камлания просили *Умай-эне* оберегать младенца и ухаживать за ним, а к колыбели подвешивали маленький лук со стрелой в качестве оберега, символизирующего оружие *Умай-эне*, которым она поражала злых духов. Обряд подготовки зыбки для новорожденного описывался следующим образом: «Перед тем как положить ребенка в зыбку, старшая в семье женщина окуривает ее вереском и вешает над зыбкой мальчика на нитке, называемой “золотой”, маленький деревянный лучок “*ја*” с деревянной же стрелой. К стреле прикрепляется белая тряпочка, называемая “*Маї-әнә*”. Над зыбкой девочки вешают лишь две бусинки и тряпочку “*Маї-әнә*”. Окуривая зыбку и вешая такую защиту, произносят заклинание, где сначала обращаются к Огню-Матери (*От-Әнә*), а затем – к *Маї-әнә*. Огонь-Мать просят спуститься и стать отцом и матерью для ребенка: *Алас, алас! / Одус башту От-әнә, / Кырык пашту Кыс-әнә / Чііды болзо пыжырбан / Тоңды болзо арбыскан / Ада болуп айланып түйи, / Әнә болуп ажл түйи*. ‘Тридцатиголовая Огонь-Мать, / Сорокоголовая Дева-мать, / Варящая все сырое, / Оттаивающая все мерзлое, / Спустись, окружи и будь отцом. / Спустись, покрой и будь матерью’» [Каруновская, 1927, с. 27]. *Умай-эне* выступает защитницей ребенка до тех пор, пока он не вырастет, не окрепнет. При укладывании в колыбель дитя говорили благопожелания.

Воспитательная функция. Колыбельные песни выражают важные для растущей личности ценностные понятия, такие как добро / зло, богатство / бедность и др. Выражая эти понятия через язык с помощью определенных оценочных, ассоциативных образов, поющий прививает ребёнку определенные нормы и правила поведения. Формирование положительных качеств у ребенка очень важно для семьи и общества.

Усыпляя ребенка, поющий объясняет бытовые обстоятельства, занятость его родных в данный момент. Если дитя уснет, то родители могли заняться домашними делами. Но при этом поющий психологически внушает ребёнку тот факт, что он находится под их присмотром. Так, в следующей песне объясняется, почему родителей в данный момент нет рядом с ребенком:

(13) алт.: *Адар мылтык жүктенип, / Адаг андады, бай, балам. / Баю, баю, бай, балам, / Уктап калсан, бай, балам. / Койон адыт келеле, / Койу мўнин ичирер. / Байла, бай, бай, бай, / Баю, баю, бай, балам. / Тооргы адыт ол келсе, / Тату мўнин ичирер. / Байла, бай, бай, бай, / Уктап*

в с. Калар Таштагольского района 25.10.1910. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноткиной. АТМ НК, колл. 75, № 20.

калсан, бай, балам. / Баю, баю, бай, балам. / Уктап калсан, бай, балам¹³.
'Стреляющее ружьё [на плечо] навьючив, / Отец твой на охоту ушёл, бай,
дитя моё, / Баю, баю, бай, дитя моё. / Усни, бай, дитя моё. / Зайца, застре-
лив, принесёт, / Наваристого бульона даст поесть, / Байла, бай, бай, бай,
бай, / Баю, баю, бай, дитя моё. / Кабаргу, застрелив, он принесёт, / Вкусно-
го бульона даст поесть, / Байла, бай, бай, бай, бай, / Усни, бай, дитя моё, /
Баю, баю, бай, дитя моё. / Усни, бай, дитя моё'.

Некоторые колыбельные песни, выражающие просьбу заснуть, окунают ре-бенка в мир его будущего: в них объясняется то, каким человеком он должен вы-расти и какими качествами он должен обладать (быть трудолюбивым, богатым, добрым). С малолетнего возраста ребенку внушается мысль о том, что он должен вырасти полезным для общества человеком. Так, ребенку желают, чтобы он помо-гал своим родителям пасти овец:

(14) теленг.: *Баю-баю, баю-бай, / Уйуктасан та сен, палам. / Баю ла баю, баю-бай, / Ыйлабасан сен, палам. / Баю-баю, баю-бай, / Бай-Терекке чык, палам. / Баю ла баю, бай, / Байдын кысын ал, палам. / Баю-баю, баю-бай, / Бараксан палам. / Уйуктасан. / Баю-баю, палам, бай, / Амырап уйук-та сен, палам*¹⁴. 'Баю-баю, баю-бай, / Спи и ты, дитя моё. / Баю-баю, баю-бай, / Не плачь ты, дитя моё. / Баю-баю, баю-бай, / На священный тополь поднимись, дитя моё. / Баю-баю, бай, / На дочери богача женись, дитя моё. / Баю-баю, баю-бай, / Бедньёкое дитя моё, / Спи. / Баю-баю, дитя, бай, / Отдыхая, спи ты, дитя моё'.

Для продолжения рода родители хотят иметь сына, который будет заботиться о них, когда они состарятся. Ребенку желают, чтобы он вырос и стал богатым че-ловеком. В песне *Бай-Терек* – это «мифическое дерево, находящееся в центре, пупе земли и соединяющее все три мира: Средний, Верхний и Нижний. Богатое дерево с золотыми ветвями и широкими листьями (*Алтын бёрлү бай терек*), вер-шины которого переходят в небесную область. Оно растет в центре горы, олице-творяющей пуп земли и неба (*Жер тенери киндиги*)» [Ойноткинова, 2022, с. 249].

Заключение

Лингвостилистический и функциональный анализ колыбельных песен алтай-цев позволил выделить следующие характерные особенности этого жанра. Колы-бельные песни строятся как поэтические тексты в форме синтаксического парал-лелизма с характерными его признаками: изосиллабизмом и начальной рифмой. Основными функциями колыбельных песен являются коммуникативная и эстети-ческая функции, функции усыпления, воспитания и защитная функции обуслов-лены контекстом.

---

¹³ Колыбельная песня. Кабай кожон. Зап. Н. М. Кондратьевой (аналоговая звукоза-пись), К. Е. Укачиной 26.06.1985 в с. Кокоря Кош-Агачского района Г-ААО от Дилековой Ай (б. о.), теленгитки из рода Сары-Моол, род. в 1912 г. в с. Белтир, образование ликбез, работала в колхозе чабаном. АТМ НГК, А0025.1-12.51-298. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойнот-киновой.

¹⁴ Тадышева Магдалина Семёновна, сеок Тёлёс, теленгитка. Родилась в 1940 г. в д. Язу-ла Улаганского района. Проживает в р. ц. Улаган.

Для стилистики колыбельных песен алтайцев характерно использование особых лексик и грамматических конструкций, с помощью которых выражаются определенные смыслы. В алтайских колыбельных песнях содержатся вокативы и именная лексика в уменьшительно-ласкательной форме, звуко-символические слова *баю-бай* с различными вариантами, глаголы-сказуемые в побудительном наклонении и в форме широкого настоящего-будущего времени. Тематическое содержание колыбельных песен связано с выражением ценностных понятий, передающихся с помощью эмотивно-оценочной лексики: образных параллелизмов, символов и метафор.

Список литературы

- АНС – Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с., ил. и компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 21)
- АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 101–154.
- Дьяконова В. П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. 254 с.
- Ильина Л. Е.* Функции колыбельных песен с позиций аксиологии // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 315–317.
- Каруновская Л. Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком: Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.
- Каташев С. М.* Рифма в алтайской поэзии // Учен. зап. Горно-Алт. НИИ истории, языка и литературы. Горно-Алтайск, 1971. Вып. 10. С. 80–104.
- Каташев С. М.* Основные ритмические определители алтайских народных песен // Улагашевские чтения. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1. С. 112–133.
- Кондратьева Н. М.* Колыбельные теленгитов // Музыкальная этнография Северной Азии. Новосибирск, 1989. С. 183–196.
- Кондратьева Н. М., Сыченко Г. Б.* Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 209–283.
- Ойроткинова Н. Р.* Мифология алтайцев: Этнолингв. словарь: В 2 т. Новосибирск: НГУ, 2022. Т. 1. 512 с.
- ОТКА – Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.
- Сыченко Г. Б.* Песенная традиция чалканцев Турочакского района Республики Алтай (к проблеме сравнительно-типологического исследования) // Вопросы этномузыкознания. 2016. № 1 (14). С. 21–36.
- ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.
- Тоцакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.
- Чочкина М. П.* Алтайский детский фольклор. Горно-Алтайск, 2003. 160 с.

References

- Altayskie narodnye skazki* [Altai folk tales]. Sadalova T. M. (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2002, 455 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 21).
- Altaysko-russkii slovar'* [Altai-Russian dictionary]. Chumakaev A. E. (Ed.) Gorno-Altaysk, 2018, 936 p.
- Chochkina M. P. *Altayskiy detskiy fol'klor* [Altai children's folklore]. Gorno-Altaysk, 2003, 160 p.
- D'yakonova V. P. Detstvo v traditsionnoy kul'ture tuvintsev i telengitov [Childhood in the traditional culture of Tuvans and Telengits]. In: *Traditsionnoe vospitanie detey u narodov Sibiri* [Traditional education of children among the peoples of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1988, 254 p.
- Il'ina L. E. *Funktsii kolybel'nykh pesen s pozitsiy aksiologii* [Functions of lullabies from the standpoint of axiology]. *The world of science, culture and education*. 2021, no. 5 (90), pp. 315–317.
- Karunovskaya L. E. *Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom: Sb. Muzeya antropologii i etnografii* [From the Altai beliefs and rites associated with the child: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1927, vol. 6, pp. 19–36.
- Katashev S. M. Osnovnye ritmicheskie opredeliteli altayskikh narodnykh pesen [Basic rhythmic determinants of Altai folk songs]. In: *Ulagashevskie chteniya* [Ulagashevskie readings]. Gorno-Altaysk, 1979, iss. 1, pp. 112–133.
- Katashev S. M. *Rifma v altayskoy poezii* [Rhyme in Altai poetry]. *Uchen. zap. Gorno-Alt. NII istorii, yazyka i literaty*. 1971, iss. 10, pp. 80–104.
- Kondrat'eva N. M. *Kolybel'nye telengitov* [Telengits' lullabies]. In: *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk, 1989, pp. 183–196.
- Kondrat'eva N. M., Sychenko G. B. *Altaytsy: altay-kizhi, telengity, telesy, teleuty, tubalary, chalkantsy, kumandinty* [Altaians: Altai-Kizhi, Telengits, Telyosy, Teleuts, Tubalars, Chalkantsy, Kumandins]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols.]. B. A. Shindin (Ed.). Novosibirsk, 1997, vol. 1: *Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri* [Traditional musical culture of the peoples of Siberia], bk. 1: *Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri* [Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia], pp. 209–283.
- Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev* [Ritualism in the traditional culture of the Altaians]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2019, 704 p.
- Oynotkinova N. R. *Mifologiya altaytsev: etnolingv. slovar': v 2 t.* [Mythology of the Altaians: Ethnolinguistic dictionary: in 2 vols.]. Novosibirsk, NSU, 2022, vol. 1, 512 p.
- Sychenko G. B. *Pesennaya traditsiya chalkantsev Turochakskogo rayona Respubliki Altay (k probleme sravnitel'no-tipologicheskogo issledovaniya)* [Song tradition of the Chalkans of the Turochak district of the Altai Republic (to the problem of comparative typological research)]. *Voprosy etnomuzykoznaneya*. 2016, no. 1 (14), pp. 21–36.
- Teleutsko-russkiy slovar'* [Teleut-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p.
- Toshchakova E. M. *Traditsionnye cherty narodnoy kul'tury altaytsev (19 – nachalo 20 v.)* [Traditional features of the folk culture of the Altaians (19th – early 20th century)]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 160 p.

Veselovskiy A. N. Psikhologicheskiy parallelizm i ego formy v otrazheniyakh poeticheskogo stilya [Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style]. In: *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, pp. 101–154.

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
RSCI Author ID 607299

Information about the author

Nadezhda R. Oynotkinova, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 607299

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.04.2025
The article was submitted on 03.03.2025;
approved after reviewing on 07.04.2025; accepted for publication on 07.04.2025*